

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*Сто лет
без тебя*

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Ранее книга издавалась под названием
«Оболтус для бизнес-леди»

Климова, Юлия Владимировна.
К49 Сто лет без тебя / Юлия Климова. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-100483-5

Для Ольги Шурыгиной работа всегда была на первом месте — должность директора обязывает. Но, чтобы решить все вопросы с бывшим мужем, ей придется терпеливо выносить общество непредсказуемого и харизматичного Никиты Замятина — друга семьи. Никита вернулся в Москву из холодного Лондона с конкретной целью: он собирается жениться на девушке своей мечты. И эта девушка не Ольга.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100483-5

© Климова Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

— Вижу на сердце тоску-печаль, знаю, знаю, что привело тебя ко мне, — донесся до Любы нарочито зловещий голос бабушки. — Любви хочешь... Любви сильной, всепоглощающей, что обрушится волной и унесет вдаль, подарит долгую, болезненную, но сладкую страсть, нескончаемый жар наслаждения и заполнит душу до краев счастьем и величием... Говори, хочешь такой любви?!

Люба на цыпочках подошла к бордовой портъере и чуть отодвинула ее. За столом, напротив бабушки, сидел маленький лысоватый мужичок, сморщенный, точно урюк. На его лице читались безграничный страх и не менее безграничное желание немедленно заполучить все перечисленное в полном объеме, и, конечно, лучше сразу — одной большой порцией.

— Да! Хочу! — дернувшись, выпалил он и тут же, испугавшись собственной решимости, вжал голову в плечи.

— Ах, бабушка, бабушка... — прошептала Люба и улыбнулась.

Бабушка Рада, дожив до преклонных лет, до жестких седых волос, до бодрого непокая, четыре года назад осуществила свою заветную мечту — открыла магический

ЮЛИЯ КЛИМОВА

салон: с окнами, задернутыми черными жаккардовыми шторами, со стопками толстых пыльных книг на низких широких полках, с «волшебным» стеклянным шаром на тяжелой мраморной подставке густо-коричневого цвета, со свечами, источающими то медовый, то горьковатый, то травяной ароматы, с тусклыми лампами, амулетами, гадальными картами, бутылочками, баночками... Завораживающее и жуткое местечко, приносящее не только хороший доход, но и трепетное ощущение прикосновения к чему-то запретному, тайному... Правда, это ощущение по большей части доставалось посетителям салона — людям, с одной стороны, разным, а с другой — имеющим общее устремление.

Желание получить не только надежду, но и саму мечту (пусть и за деньги) толкало и умных, и глупых, и жадных, и щедрых, и добрых, и злых к массивной двери с красивой кружевной вывеской «Магический салон Рады». Кто-то пройдет мимо, кто-то задумается, а кто-то протянет руку и коснется холодной кованой ручки-кольца — заходи, мил-человек, бойся и заходи, а уж тут тебе разложат судьбу по полочкам: и будущее предскажут, и от беды отведут, и присушат кого нужно, и с карьерой помогут, и богатство пообещают небывалое. Пара пустяков!

— Говори! — приказала бабушка. Люба еще немного отодвинула портьеру.

Примерный сценарий дальнейших событий был известен: мужичок робко предъявит фотографию юной прелестницы, вскружившей ему голову, и потребует поспособствовать соединению сердец. Так, чтобы наверня-

Сто лет без тебя

ка. Накрепко. Чтобы не отвертелась и ни на кого больше даже не смотрела. А бабушка... А бабушка подумает: «Тьфу ты, пакостник». И «уведет в лесную чащу»: запутает, заморочит, запугает... Не терпит старая Рада «бесовестных дураков».

— Вот. — Мужичок оправдал ожидания: мгновенно вынул из внутреннего кармана мешковатого пиджака фотографию, ткнул пальцем и добавил: — Третья слева. Только не перепутайте, рядом Бочкина — она глупая и стерва к тому же.

— Не волнуйся. — Бабушка взяла фотографию, коротко глянула на жертву страсти и изумленно приподняла брови: — А лет-то девочке сколько?

— Восемнадцать с половиной. Светочка у нас опыта набирается... по знакомству пристроили... на время. А нельзя ли уже сегодня... результат сегодня... — Мужичок заволновался, заерзал на стуле и пригладил редкие волосы на затылке. — Очень я ее люблю и горю желанием сделать самой счастливой на свете.

Выражение бабушкиного лица Люба перевела безошибочно: «Пакостник и есть... а еще козел редкостный. Тебе-то самому сколько? Пятьдесят? Пятьдесят пять? Иди домой, пока я тебя к Бочкиной не присушила...»

Отпустив край портьеры, Люба вернулась в кресло, взяла с низкого столика несколько тетрадей и положила их на колени. Губы продолжали растягиваться в улыбку, в душе дрожали смешинки. Ах, бабушка, бабушка...

— Нельзя тебе с ней совместную жизнь обустроить, — донесся серьезный и немного печальный го-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

лос. — Никак нельзя... Вижу, вижу беду неминуемую, страдания и... тюрьму.

«Ну, это перебор», — усмехнулась про себя Люба.

— ...все преграды Света обойдет, силу покажет, желания на свободу выпустит и потом, когда слаб будешь... — Зловещие ноты вновь задрожали и взметнулись вверх, — прижмет к груди другого... Смотри, смотри!

«Наверное, в ход пошла «тяжелая артиллерия» — шар и карты».

— Что?! — пискнул мужичок. — Где?!

— Смотри! Вот она, вот ты, а вот тот... другой!

— Нам не нужен другой! Уберите его, пожалуйста, совсем уберите! Светочка должна быть только моей!

— Невозможно, — отрезала бабушка и замолчала.

— Но вы же обещали! В объявлении было сказано о гарантиях! Пусть она меня полюбит! А на других и не смотрит! Это очень просто!

— Запомни мои слова: игры с судьбой простыми не бывают. Хочешь, Светочка будет твоей — но эта дорога приведет к бедам.

— Но гарантии... — уже неуверенно возразил мужичок. — Разве нельзя на всю жизнь?

— Нельзя. А гарантии, мил-человек, у меня — это правда: как есть, так и говорю — это и есть самая верная гарантия. Ведь я и промолчать могла... взяла бы деньги и промолчала. Тебя бы устроило?

Люба представила бабушку: старая Рада сейчас наверняка прищурилась, подалась вперед и, несмотря на свою дородность, стала похожей на кобру, которая раздула капюшон и гипнотизирует взглядом.

Сто лет без тебя

— Нет, спасибо, — пискнул мужичок... — Но что же делать? Я люблю Светочку... неужели она может предпочесть другого?.. Я руководитель отдела, у меня машина и... Отличное дерево, в конце концов!

«Что?» — изумилась Люба.

— Генеалогическое дерево. В роду два графа, один офицер, один актер и балерина... Я имею право выбора!

— А вот это разумно предложить другой женщине, — строго ответила бабушка.

«Бочкиной», — мысленно подобрала Люба подходящую кандидатуру.

— Какой? Она молода? Нет, подождите, я не готов... я пришел за Светочкой, то есть... мы идеально подходим друг другу! Ей нужно только помочь понять свое счастье!

Мужичок резко умолк (видимо, наткнулся на бабушкин взгляд).

— На твоём пути уже появилась та самая женщина... уже пустил корни куст, приносящий сладкие плоды удовольствия... уже переплелись «да» и «нет»... уже подули ветра в нужную сторону... — Голос стал вязким, убаюкивающим и тут же дернулся звенящей струной (дзинь!): — Последний раз спрашиваю — хочешь любви?!

— Да, — еле слышно просипел мужичок.

«Точно, Бочкина», — кивнула Люба.

Она никогда не сомневалась в бабушкиных способностях и сама почти всегда остро чувствовала, где правда, а где ложь, где спектакль, а где таинство. Дар вместе с цыганской кровью переходил от одного поколения к другому, и оставалось только дать внутреннее согласие: да, я готова, я хочу знать и вершить. Нужно было

ЮЛИЯ КЛИМОВА

открыть дверцу и шагнуть в иной мир — мир говорящих предметов, обрывков фраз, переплетающихся нитей судьбы. В мир королей, тузов, валетов, дам, головокружительного аромата свечей, пронизывающих время и пространство слов. И все: ты будешь видеть и знать то, что недостижимо для других. Но Люба в душе согласия не давала, дверцу не открывала. Она предпочитала обыкновенную жизнь: в первой половине дня с удовольствием преподавала биологию в школе, а во второй — ухаживала за диковинными растениями в одной из оранжерей Ботанического сада. И частенько забегала к бабушке — к своей дорогой старой Раде, которая так или иначе возвращала к забытому и соединяла с собственной природой. Хорошо было в салоне — уютно, спокойно. И бурлила цыганская кровь, и долго потом мир казался особенно ярким.

— Наконец-то спровадила, — проворчала старая Рада, отдергивая портьеру. — Совсем мужики ополоумели, а главное, верят: протянешь гадалке фотографию — и в жизни все изменится, пойдет по их собственному плану. Любовь для них сплошное «хочу — не хочу».

— Бочкина? — понимающе спросила Люба.

— Да, и куда ему от нее не деться. Вспахала она его судьбу до камней, до глины... а он-то, дурак, счастья своего не понимает. Светочку ему подавай! Только тюрьмой их и пугаю, иначе от молодых никак не отвадить.

Люба звонко засмеялась, отложила тетради, встала и обняла негодующую бабушку. Ее любимая старая Рада и так почти всегда все видит и знает — без карт, воска,

Сто лет без тебя

стеклянного шара и прочего, просто не отказывает себе в удовольствии сыграть привычную роль гадалки. Пучки сушеной травы, амулеты, потрепанные книги... это для клиентов. И еще для скучающей, ищущей развлечения бабушкиной души. Кого за нос поводит, кому приврет, а кому и правду скажет — от человека зависит.

— И что ты смеешься? Я, кстати, давно с тобой поговорить собиралась...

— Так мы уже разговаривали об этом сто раз. — Люба наклонила голову набок и улыбнулась. Тема была не только известна, но и многократно разобрана по большим и маленьким косточкам.

— Не сто раз, — проворчала старая Рада и, не сдержавшись, выпалила: — Ты когда начнешь свою личную жизнь устраивать?! Свободная женщина в тридцать пять лет должна за мужчиной, как за хлебом, ходить. Я в твоём возрасте уже трех детей нянчила и четвертого ждала! Мать твоя второй раз замуж вышла и укатила в Астрахань, отец твой... — Рада замолчала. — Кто ж знает, кто твой отец! То есть дочь моя — мать твоя — границы дозволенного знала, но... тьфу! — Бабушка махнула рукой и засемила в магический зал, так она называла комнату приема клиентов. — Переоденься, — бросила она, складывая в стопку разложенные на столе карты. — Ты молода, красива, умна... В тебе цыганская кровь течет! Ты одним взглядом должна всех с ума сводить!

— Бабушка, — протянула в ответ Люба, распахивая дверцы шкафа. — Крови цыганской во мне не так уж и много, а потом... погадай, вот и узнаем, чего мне от жизни ждать.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Это был один из тех приемчиков, который всегда срабатывал. Бабушка никогда не гадала близким, а уж тем более не стала бы дотрагиваться до карт, держа в голове образ драгоценной внучки. Не хотела она знать ее будущего, категорически не хотела. Запрещено — раз и навсегда.

— Хватит болтать, переодевайся, — ворчливо донеслось в ответ.

Как бабушка не любила ее «скучную» одежду, как не терпела джинсы, серые свитера, простенькую обувь без каблуков, прямые пиджаки и строгие юбки! И как искрились ее глаза, когда Люба доставала из шкафа цыганский наряд, надевала его и превращалась в яркую пеструю птицу! Ее внучка... Ее! Если в ближайший час не ожидались клиенты, Рада и Люба заваривали мятный чай и пили его с рассыпчатым печеньем или горьковатыми шоколадными конфетами.

Театр. Жизнь...

Люба застегнула мелкие пуговики на кофте, крутанулась, следя за игрой цветочного узора юбки, подняла голову и запустила пальцы в густые черные кудри. Браслеты скатились к локтю и звякнули. Эсмеральда — так называла ее бабушка в далеком детстве.

ГЛАВА 1

Звонок друга очень обрадовал Петра Петровича Шурыгина. Сколько лет, сколько зим! Работа утром, работа днем, работа вечером, а иногда и ночью — времени уже давно ни на что не хватает, а уж чтобы просто поболтать — куда там!

— ...мы не виделись сто лет, и это никуда не годится! — прогудел в трубке бодрый голос Льва Аркадьевича Замятина. — Когда мы с тобой созванивались последний раз? Полгода назад, не меньше. А помнишь, раньше...

— Да! — горячо согласился Петр Петрович. — Макароны по-флотски, помидоры и самогонка твоей бабушки. Молодость, молодость...

— А бизнес как лихо начинали? Долги везде, где только можно, а мы...

— ...гоняем по ночной Москве часами, а потом...

— ...а потом опять макароны по-флотски, помидоры и самогонка моей бабушки! — радостно закончил фразу Лев Аркадьевич.

— Точно!

— А как ты на моей свадьбе уснул в тумбе для белья, а мы тебя два часа искали, помнишь?! Сложился попо-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

лам, скрючился и уснул! Если бы ты тогда не захрапел, мы бы...

— Помню! Конечно, помню, Лева! — выпалил Петр Петрович и тут же сдержанно добавил: — Только моим не рассказывай...

— Кстати, а как девочки?

Двадцать лет назад Петр Петрович Шурыгин овдовел. Другой женщины, с которой захотелось бы связать жизнь, он больше не встретил, и воспитание трех дочерей легло исключительно на его плечи. Полина, Оля, Катюшка — такие разные... А выросли-то как быстро! Сколько ночей он не спал из-за бесконечных детских болезней и сколько ночей не спал потом, когда девочки перешагнули черту взрослости и начали самостоятельную жизнь. «Ура, мы взрослые!» Ну да... Кому «ура!», а кому постоянная головная боль.

Полина вроде охотно и хорошо училась и затем с энтузиазмом взялась за управление салоном красоты «Анни». Но ветер в ее голове не просто гулял — он кружил и свистел, сметая все на своем пути.

Мужчины к ногам Полины всегда падали детальками пазла, превращаясь в ровный мягкий коврик, по которому она гордо вышагивала. Красива, дерзка, умна — она умело пользовалась и своими достоинствами, и недостатками, с легкостью меняя кавалеров и стуча высокими каблуками, дальше, не оглядываясь.

Она всегда предпочитала дорогую одежду и косметику, отдыхала исключительно за границей в пятизвездочных отелях и с удовольствием тратила деньги, совершенно не задумываясь о завтрашнем дне. Деньги, кстати, ча-

Сто лет без тебя

стенки перепадали ей от Петра Петровича — старшую дочь проще всего баловать было именно таким образом. И еще у Полины была удивительная способность вляпываться в истории. Черета ее «подвигов» доводила до инфаркта. Не ее, конечно, доводила, а Петра Петровича. Одна только победа в конкурсе «Лучшая попка сезона» чего стоила! Этот позор прошлым летом наблюдался в витринах почти каждого киоска с прессой: глянцевая обложка мужского журнала, и на ней — зад Полины!

Замечательно!

Великолепно!

Чего еще ожидать от тебя, доченька?

А доченька через некоторое время преподнесла очередную сюрприз: напилась на банкете и подарила вездесущим папарацци небывалую фотосессию! И опять журналы пестрели фотографиями полуобнаженной Полины Шурыгиной, которая на этот раз спилотировала в праздничный торт вместе с красавцем блондином — нет предела беспределу. Пришлось заминать и этот скандал...

Средняя дочь Ольга всегда была настоящим трудоголиком: два высших образования, английский, немецкий и французский языки, школа сомелье и должность директора департамента закупок в «Форт-Экст» — холдинге, президентом и владельцем которого является сам Петр Петрович Шурыгин. Четкое отношение к жизни, все по полочкам, строгие костюмы, исписанные странички ежедневника, никакой беззаботности и работа с утра до вечера. Вот такая Оля — его правая рука!

Но если средняя дочь отлично разбирается в винах, договорах и отчетах, то, кажется, она плохо разбирается